

**ЗЫРЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ В СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕСКАЗАХ
АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА**

В статье рассматриваются первые литературные опыты А.М. Ремизова, основанные на изучении коми-зырянского фольклора и мифологии. Анализируется круг источников, которыми пользовался писатель, восстанавливается биографический контекст (ссылка в город Усть-Сысольск Вологодской губернии) и историко-литературный ряд – русский модернизм начала XX в.

Модернизм, мифология, коми-зырянский фольклор, космогония.

The article considers the first literary works of A.M. Remizov, based on studying Komi mythology and folklore. A range of sources used by the writer is analyzed, the facts of biography (the reference to the city of Ust-Sysolsk of Vologda province) and historical and literary context - Russian modernism of the beginning of XX-th century are restored in the paper.

Modernism, mythology, Komi (Zyryan) folklore, cosmogony.

Коми-зырянской мифологией русский писатель А.М. Ремизов заинтересовался в 1900 г., когда отбывал ссылку в городе Усть-Сысольске, «столице зырянского края». Занятия фольклористикой являлись одной из традиций политической ссылки, но «декадентский» фольклоризм Ремизова имеет мало общего с народническим или социал-демократическим интересом к фольклору. Только в первоначальном импульсе обращения к культурным истокам «угнетенных народов» политические ассоциации имели некоторое значение. Гораздо важнее был тот «пафос открывания новых земель», который, по мнению М.М. Бахтина, «красной нитью проходит через весь декаданс» [1, с. 303].

Непосредственно полевой фольклористикой Ремизов не мог, да, видимо, и не хотел заниматься, предпочитая иметь дело с записанными и опубликованными материалами. Первой книгой по зырянской тематике стала своеобразная «зырянская энциклопедия» – труд Г.С. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка». В хрестоматии Лыткина, по которой ссылный изучал историю и этнографию зырянского края, он обращает внимание на русские подстрочники зырянских свадебных песен. Эти тексты поразили Ремизова, если не сходством с его собственными «декадентскими» верлибрами, то каким-то вполне современным и свежим поэтическим звучанием. Произошло индивидуальное открытие эстетики примитива как актуальной для модернизма начала века художественной модели. Писатель почувствовал, что при некоторой обработке архаический фольклор зырян можно превратить в современный литературный текст. Через несколько лет В.В. Розанов определит творчество своего друга Ремизова формулой «археология + styl moderne» [8, с. 66].

Первый опыт «модернизации» (во все значениях этого слова) фольклорного текста принес экспери-

ментатору удачу. 8 сентября 1902 г. в газете «Курьер» было напечатано стихотворение Ремизова «Плач девушки перед замужеством». (Ранее все попытки ссыльного из Вологодской губернии напечатать свои декадентские белые стихи успеха не имели). Это очень близкое к тексту воспроизведение обрядового плача невесты из книги Лыткина. В соответствии со своими первоначальными воззрениями на соотношение и «качество» христианских и языческих компонентов в традиционном фольклоре Ремизов исключил четыре строки зачина-обращения, видимо, для того, чтобы усилить экзотичность плача: «Спас да Пречистая, / Пожелай мне добра, пожелай. / Великим твоим пожеланием / С поверх головы до подножья ног моих» [4, с. 175]. Ремизов начинает «Плач» с обращения девушки к «красному солнцу», «белому свету», «подруге-луне» и «семицветной радуге». Замена христианских символов языческими последовательно происходит по всему тексту. У Лыткина: «Пожелай мне добра от Бога / Столько, сколько звезд». У Ремизова: «Пожелай мне счастья от матери-земли, сколько на небе осенних звезд» [8, с. 40]. Интересно отметить, что публикатор оригинала и переводчик плачей в какой-то мере спровоцировал писателя на вмешательство в текст, особо подчеркнув его неканоничность и вариативность. В подстрочном примечании Лыткин указал: «В этих плачах не везде соблюден размер стихов и очевидны пропуски и перестановки. Прошу земляков сверить, исправить их...» [4, с.175]. Ремизов, похоже, и ощутил себя таким «земляком», который должен был «исправить» текст, т.е. восстановить его первоначальную языческую суть. Таким образом, писателем интуитивно, а, может быть, и случайно был найден не просто интересный литературный прием, а один из основных стержней его будущего творчества, заключающийся в ориентации на такие архаичные модели авторства как сказитель, сказочник, древнерусский книжник.

В 1905 г. в альманахе «Северные цветы. Асси-

рийские» (№ 4) были напечатаны «Омель и Ен», «Полезница», «Кутья-Войса», «Икета», «Кикимора», а также «Плач девушки перед замужеством», объединенные в цикл под названием «Полуночное солнце». В 1908 г. вышел сборник Ремизова «Чертов лог и полуночное солнце», в который зырянский цикл вошел уже в расширенном виде. Отклики критики на обе публикации зырянского цикла были немногочисленны и в основном негативны. Стихи Ремизова определялись как нечто, находящееся за пределами и литературы, и здравого смысла. Лишь петербургские «Вопросы жизни», где писатель работал секретарем редакции, дали дружественный отзыв: «Интересен Ремизов: что-то почвенное, земляное чувствуется в его «Полуночном солнце»... Поэзия Алексея Ремизова всецело принадлежит к *ночной* поэзии «Северных Цветов»: вместе с демонистом Ф. Сологубом он может сказать про себя: В предутренних потьмах я видел злые сны, / Они меня до срока истомили» [10, с. 257].

В сборнике «Чертов лог» Ремизов называет источники своих зырянских произведений: «Живя в Усть-Сысольске (Вологодской губернии), в этом центре зырянского населения, я глазами пленника смотрел на неведомое мне нерусское царство и слушал рассказы тех простых людей, с которыми коротал долгие зимние дни-полуночи. Книги и рассказы просвещенных зырян: книги К.Ф. Жакова и рассказы В.П. Налимова дали мне ту шапку-невидимку, в которой я сам на свой страх пошел по лесам и полям странной зырянской земли, как странна медноликая белая зырянская ночь» [8, с. 600].

Жаков был выдающимся ученым-энциклопедистом, поистине ренессансный универсализм ощущался в этой необыкновенной личности. Этнографических книг Жакова Ремизов, вопреки его утверждению, читать не мог, их просто еще не было. Первая из них – «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом» – вышла только в 1905 г. Правда, в 1901 г. в «Живой старине» был опубликован очерк Жакова о современных зырянах, но никаких следов этой работы в текстах Ремизова не обнаруживается. Более того, у них совершенно отчетливо прослеживается различный подход к зырянским древностям. Если Ремизов с помощью «шапки-невидимки», т.е. этнографических знаний, странствует по зырянской языческой мифологии, ничего общего не имеющей со славянской, то Жаков, в соответствии со своей оригинальной историософской концепцией, предлагает путешествие иного рода. «Теперешние обычаи и нравы их [зырян. – Ю.Р.] во многом напоминают русскую старину. <...> Изучите их религиозные понятия, отношение к угодникам Божиим..., их праздники, их девичьи хороводы, поющие русские песни на старый лад, их суеверия, святочные гадания и т.п., и все это напомнит XVI и XVII века Московской Руси. Нужно думать, что история не только во времени, но и в пространстве расположена концентрическими кругами» [2, с. 29].

Другой, названный Ремизовым этнограф – В.П. Налимов – тоже коренной зырянин. Он не только собирал этнографические материалы, но и пытался поэтическими средствами реконструировать целостную картину традиционного мировоззрения зырян. Об обстоятельствах его встречи с Ремизовым в Вологде и об их совместных планах свидетельствуют письма писателя к невесте – С.П. Довгелло.

25 мая 1903 года. «На днях будет у меня «с визитом» зырянский патриот *Налимов* [выделено Ремизовым. – Ю.Р.], пишет поэму из жизни древних своих родичей. Очень, очень кстати».

26 мая 1903 года. «Только что ушел зырянин. Оставил материалы зырянских легенд. Как только приеду [срок ссылки Ремизова заканчивался 31 мая. – Ю.Р.], примусь за писание небольших «стихотворений в прозе».

27 мая 1903 года. «Купил корзинку, сейчас буду укладываться, а потом Налимов придет. Подал ему мысль издавать зырянский альманах, куда должны войти «Кутья-Войсы» и другие мои зырянские» [5, с. 157].

Материалы, с которыми «зырянский патриот» познакомил Ремизова, вскоре были опубликованы в журнале «Этнографическое обозрение». Для Ремизова встреча с Налимовым, действительно, была «очень кстати». После отъезда из Усть-Сысольска в Вологду он продолжал интересоваться зырянской мифологией. Кроме «Плача девушки перед замужеством» Ремизов пишет миниатюры «Кутья-войсы», «Ошка-Моска» и, возможно, некоторые другие. Но в целом зырянская тематика еще не занимает в творчестве начинающего автора большого места. Мифологические рассказы Налимова всколыхнули интерес писателя к зырянской теме. Уже 26 мая, только прочитав их, Ремизов набрасывает сюжет будущей поэмы (в письме к Довгелло, которое в данном случае играло роль записной книжки: «записываю мысль, чтобы запомнить»). набросок этот, естественно, вполне декадентский: «Как перевелись Памы на земле зырянской». Действие происходит синим вечером на берегу озера Лёля-ды. К холму, с которого провожает солнце старый пам Киль-Дори, подходит юноша с голубыми глазами в белой сорочке Ёле. Все лицо ее изнурено тоской о возлюбленной Ёде и горечью жизни: гибель последних Кикимор (хохочущих мистификаторов-духов), пропад Бубыля (без надежды ютящейся в подполье), отчаяние Икеты (странной «красоты», подкидывающая своих уродцев-детей людям). Старик кличет двух братьев – два божества-творца видимого и невидимого: Омель и Ен, - они и осуждают мир в лице юноши на гибель, лишая его памства» [5, с. 160 – 161]. Зырянские «химеры», их чувства, поступки, мысли, додуманные писателем в этом предварительном эскизе, накладываются на его собственные переживания трагедии бытия в последние месяцы жизни в ссылке, которые Ремизов в своих текстах этого времени обозначал словом-символом «подполье». Ремизов подвергся

унизительному «товарищескому суду», по решению которого ему был объявлен бойкот, и самые близкие друзья, подчиняясь коллективному решению, перестали с ним общаться. Таким образом, еще до начала непосредственной работы с поступившими к нему этнографическими материалами у Ремизова совершенно четко сформировалась установка на психологизацию мифологических образов и сюжетов с включением в них автобиографических параллелей. План выражения остается прежний – «декадентский» белый стих. Центральным произведением цикла является космогоническая поэма «Омель и Ен», уже рассмотренная нами в аспекте этнографических источников [9, с. 435].

Знакомясь с материалами Налимова, Ремизов встретил описание неизвестного ему персонажа зырянской мифологии, о чем в тот же день написал Довгелло: «После обеда открыл еще новое существо, называется «пöлезница»: живет в цветущей ржи, ее глаза, как васильки, видима с Петрова дня до Ильина, еще более *яростна* [курсив наш. – Ю.Р.], чем «лесная женщина» (лесавка), та хоть мечтает и ищет взрослых, а эта подкарауливает ребятишек» [5, с. 163]. В материалах, опубликованных Налимовым в 1903 г., об этом персонаже ничего не говорится, но полезница знакома собирателям зырянского фольклора. Она упоминается, например, в студенческом сочинении В.В. Кандинского (в будущем знаменитого художника-авангардиста): «Полезница» стерегла рожь до Ильина дня, и до этого времени крестьяне не смели подходить к полям. Хотя прежде всего ее боялись взрослые, однако, по мере преодоления суеверия страх перед «полезницей» переместился на детей...» [2, с. 110]. Уже эти сведения говорят о том, что зырянская полезница по местам обитания и по функциям (персонаж-устрашитель) является аналогом славянской полудницы (или ржаницы).

В книге «К Морю-Океану» Ремизов упоминает о полудницах, которые в полдень летают в пыли вихрей, а в примечаниях дает их определение: «Полудницы – по верованиям славянских и греческих народов: всклокоченные старухи в лохмотьях с клюкой, которые, настигая в полдень, загадывают загадки и шекочут до смерти. Только что молитвой *на изгнание беса полуденна* возможно кое-как отделиться» [8, с. 179]. Давая такую одностороннюю характеристику полуднице (без упоминания ржи и детей), Ремизов стремится все же не смешивать ее с зырянской полезницей. Свой рассказ о полезнице Налимов опубликовал только в 1907 г. Из него ясно, чем вызвано замечание Ремизова о «ярости» персонажа: «Во время цветения ржи одна женщина пошла полоскать бельё на реку. «Полезница», находившаяся в воде, страшно обиделась и закричала: «Как ты смеешь своей грязью поганить воду?» – при этом она бросилась на женщину. Женщина – в бегство. Полезница за ней» [7, с. 21].

Полезница в одноименном стихотворении Ремизова – трагический персонаж. Она, не будучи по на-

туре зловредной, по какой-то роковой предопределенности вынуждена творить зло. Ее охота на детей описана в лучших традициях «диаволического символизма» в его соловубовском варианте:

В испуге, цепляясь ручонками,
в колосья юркнуло детское тельце.
- Дорогой, ненаглядный! –
Она задыхалась, дрожала.
Обняла и шекочет -
Кувыркался мальчик
в объятьях,
обливался кровью
и кричал на все поле
от боли.
Напрасно!
Нет утоленья, нет превращения.
Так с зари до заката тоскует.
И рвет себе груди,
рвет их огненно-белое тело [8, с. 53 – 54].

В примечаниях Ремизов подчеркивает этнографическую, точнее – этно-педагогическую сторону образа полезницы. Он приводит слова, которые взрослые говорят детям, когда те отправляются гулять: «Не забирайтесь в колосья, там вас Полезница ухватит и все выкусит» [8, с. 601]. (Во времена популярности фрейдизма здесь, несомненно, усмотрели бы кастрационный комплекс). Главной задачей комментатора, как и в предыдущем случае, является психологизация мифологического персонажа. Ремизов пишет: «Не от жестокости занимается Полезница таким истязанием малолетних и тяжким уродованием, она хочет превратиться в женщину-человека и надеется, что это превращение наступит, когда она станет есть живые человеческие органы, нетронутые и чистые» [8, с. 601]. В известных нам этнографических материалах нет даже намеков на такое странное желание зырянских полезниц или типологически близких к ним славянских полудниц. Не исключено, что на формирование данного мотива повлияли народные представления о так называемых полуверницах – заклятых (или проклятых) существах в женском облике, которые уже оторваны от мира людей, но еще не приняты в «сонм нечистой силы». Их положение неопределенно: они могут вернуться к людям, но могут и навечно стать нечистыми духами. Вернуть полуверниц в человеческое общество может как колдовство, так и молитва близких к ним по прежней жизни людей.

В стихотворении «Икета» Ремизов далее всего отходит от этнографических источников. В материалах Налимова говорится о двояком понимании зырянами сущности этого злого духа в мужской ипостаси. По одним поверьям, от связи Икоты с земной женщиной рождается уродливый ребенок, про которого говорят: «Икота чужем» («рожденный от Икоты», «лицо Икоты»). В другом понимании Икота – дух, который подменивает нормального здорового ребенка на урда. «В прежние времена, – сообщает Налимов, – старались заставить Икоту, если думали,

что он подменил ребенка, взять обратно своего ребенка. Делали это следующим образом: ребенка клали в корыто и сверху накрывали другим таким же; слегка постукивали (по корыту) топором, угрожая Икоте зарубить его ребенка. Испуганный дух брал своего ребенка, боясь, чтобы его не зарубили, а зырянину возвращал подмененного» [6, с. 158]. Мотив подмены ребенка по-своему универсален, он встречается в мифологических представлениях разных народов. Ближайшим аналогом зырянского Икеты является славянский банник.

Еще одна мифологема, использованная Ремизовым в этом стихотворении, касается зырянских «лесных женщин». Своеобразный мистицизм зырян, как отмечали многие этнографы, обязан своим развитием лесу и лесным занятиям. Коми-зыряне верили, что в лесах живет особый народ, созданный Омелем, – «лесные люди». Они отличаются от обычных людей некоторыми особенностями. У «лесных людей» пятки выворочены, а тела прозрачны, ходят они так легко и быстро, что могут передвигаться по воде. По своему развитию они стоят ниже людей, но стремятся сравняться с человеком. Особенно популярны среди зырянских охотников были рассказы о встречах с «лесными женщинами», которые бывают ласковыми и миловидными. В любом случае, по охотничьим рассказам, они сладострастны и любят сожительствовать с мужчинами-зырянами. Объединив обе мифологеми, Ремизов создал стихотворение «Икета»:

Кто в морозные лунные ночи
так жалобно стонет?
Кто осыпает с деревьев
иной жемчужный?
Кто упоением-негой
льет тихие песни? <...>
Вы, женщины леса,
вы, пленницы Енова царства,
вы, порождение загадок Омеля,
с губами подвижниц,
верх сладострастья,
бездна томленья. <...>
А Ты, увитая дикой розой,
ясная, Ты стоишь и немеешь...
И рыданье дрожит на устах,
и бродят потерянно влажно-озерные взоры?
Где плод человека?
Икета – плод человека и женщины леса.
Где твой ребенок? <...>
Темно-грустящий припев.
Одиночество странных [8, с. 54 – 55].

Здесь мы видим те же мотивы тоски, томной эротики, «одиночества странных», относящиеся, конечно, не к архаичным зырянским представлениям, а к декадентскому дискурсу начала XX в. В коротком автокомментарии Ремизов, как обычно в этом цикле, подчеркивает и этнографичность образа Икеты (в данном случае сомнительную), и поистине библейский трагизм этих созданий Омеля. Писатель объясняет отмеченную этнографами «сладострастность» этих мифологических персонажей неразрешимой задачей, стоящей перед ними: «Икета – так называют ребенка-уродца, рожденного от Лесной женщины и человека охотника. Лесные женщины, отчаявшись в собственном превращении, живут надеждой: соединившись с человеком, родить человека, который выведет их из Енова плена – сделает их своими в Еновом царстве. И никогда не рождается человек, а всегда Икета с вывернутыми пятками» [4, с. 602].

Литература

1. Бахтин, М.М. Собр. соч.: в 7 т. / М.М. Бахтин – М., 2000. – Т. 2.
2. Жаков, К.Ф. Этнологический очерк зырян / К.Ф. Жаков // Живая старина. – 1901. – Вып. 1. – С. 29.
3. Кандинский, В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества. (По современным верованиям) / В. Кандинский // Этнографическое обозрение. – 1889. – Кн. 3. – С. 110.
4. Лыткин, Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка / Г.С. Лыткин. – СПб., 1889.
5. На вечерней заре. Переписка А.М. Ремизова с С.П. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. – 1985. – № 4. – С. 157 – 162.
6. Налимов, В.П. «Мор» и «Икота» у зырян / В.П. Налимов // Этнографическое обозрение. – 1903. – Кн. LVIII. – № 3. – С. 158.
7. Налимов, В.П. Загробный мир по верованиям зырян / В.П. Налимов // Этнографическое обозрение. – 1907. – № 1 – 2. – С. 21.
8. Ремизов, А.М. Собр. соч.: в 10 т. / А.М. Ремизов. – М., 2000. – Т. 7.
9. Розанов, Ю.В. Зырянский миф Алексея Ремизова / Ю.В. Розанов // Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского севера. – Петрозаводск. 2007. – С. 435 – 437.
10. Чулков, Г.И. Рецензия на кн. «Северные цветы. Ассирийские» / Г.И. Чулков // Вопросы жизни. – 1905. – № 6. – С. 257.